

*З.М. Кобозева, У.О. Скачкова**

«ЖЕРТВА АБОРТА»: ОТНОШЕНИЕ К РОДАМ И АБОРТАМ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В статье анализируется проблема аборт в новой советской этике. Показана женская повседневность сложного послереволюционного времени через призму таких жизненных обстоятельств, как роды и аборт. Выявлена эволюция отношения системы власти к частному миру женщины. Показано, как в эпоху социально-политических трансформаций неизменные гендерные роли оказываются деформированными «вызовами времени»: новой идеологией, экономическими реалиями, изменением социального пространства, в котором протекала повседневная жизнь. Эмансипация женщины оказывается тем полем тактик и стратегий повседневного существования, которые требовали от женщины навыков приспособления к новым ролевым установкам жизни в активно осуществляющемся социалистическом проекте.

Ключевые слова: аборт, роды, история медицины, история повседневности, семья, частная жизнь, советская женщина, социалистический проект.

Что бы ни происходило в «большой истории», женщина приспосабливает свою картину мира к ее виражам. Но приспособить к катаклизмам политического порядка свой организм — у нее не получается. Потому что этот организм нацелен на главную функцию: детородную. И пережить разруху и голод, когда ты беременная, когда тебе предстоят роды — вдвойне сложно. В таких ситуациях женщина решается на искусственное прерывание беременности. Но право на такое решение у нее отнимает власть, любая власть: власть государства, власть церкви, власть общественного мнения, в зависимости от исторического периода. Если рассматривать власть как множественность отношений силы, неизменно присутствующих в обществе [23, с. 192], получится, что женщина была обречена на двойную силу, довлеющую над ней: силу политической власти и силу биологической данности. Женский организм не выбирает, рожать или не рожать в период войн и революций, голода и разрухи. Беременность, роды, аборт, сексуальная жизнь — все происходит в условиях тяжелейших пертурбаций первых лет советской власти.

Материнству в советской общественной модели отводилась важная роль. Оно рассматривалось большевиками не в качестве личного дела советской женщины, а как ее гражданская обязанность, в то время как гражданство советского мужчины предполагало воинскую и трудовую мобилизацию. Советская власть провозглашала, что государство «в своем социальном строительстве стремится решить проблемы материнства через создание таких условий, при которых женщина могла бы совместить материнство с общепользным трудом и была бы раскрепощена от старого домашнего быта»

[26. Л. 103]. Поэтому господствующая гендерная роль работающей матери имела в том числе и огромную идеологическую поддержку: так, символическим выражением советского материнства был образ женщины-матери — патриотки и героини, который активно пропагандировался и в литературе, и в кино, и в медиа, и в изобразительном искусстве.

Прежде всего стоит отметить, что спецификой советской гендерной системы явилось отсутствие четкого разделения на частную и публичную сферу жизни и деятельности. Модель семьи в Советской стране в большей степени была сформирована самим государством, которое регулировало профессиональную мобильность, миграцию, жилищные условия, а также обеспечивало население социальными услугами, из которых приоритетной в области поддержки советских матерей и детей с начала 1920-х гг. становится программа «Матмлада» — по охране материнства и младенчества, целью которой являлось сохранение здоровья и жизни матери и ребенка, а также создание благоприятных условий для их физического благополучия и развития [26. Л. 103]. Осуществление программы проводилось через: во-первых, социально-правовую охрану матери и ребенка, которая включала в себя защиту семейных прав посредством обращения в юридическую консультацию при отделении Охрматмлада, выдачу пособий и т. д.; во-вторых, через просвещение советских граждан, то есть привитие женскому населению и подрастающему поколению правильных взглядов и навыков по гигиене женщины и ребенка; в-третьих, через осуществление борьбы с такими социальными болезнями, как туберкулез, венерические заболевания,

* © Кобозева З.М., Скачкова У.О., 2017

Кобозева Зоя Михайловна (zoya_kobozeva@mail.ru), Скачкова Ульяна Олеговна (heyysugardaddy@gmail.com), кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

аборты, и, наконец, через организацию яслей, детских домов, общежитий для беременных и иных учреждений [26. Л. 103].

В 1921 г. советскими властями был издан специальный сборник документов и постановлений об охране женского и детского труда, об охране материнства и младенчества, который включал в себя постановления Совнаркома, наркоматов труда, здравоохранения и юстиции [11]. В 1922 г. в Москве был организован государственный научный институт Охраны материнства и младенчества [4, с. 156]. Начинает издаваться специальная литература по вопросам Матмлада. В газете «Известия ВЦИК» от 1 января 1922 г. было опубликовано постановление СНК «О дополнительных пособиях роженицам» [25. Л. 16]. Стоит отметить, что существовали практики по выдаче несвоевременного пособия ввиду определенных обстоятельств. Так, гражданка Самарской губернии Федорова родила ребенка в мае месяце и после обратилась с заявлением в общегородскую страховую кассу с просьбой выдать ей пособие на роды и кормление ребенка. Но пособие своевременно она не получила в связи с тем, что не смогла приехать в Самару из-за болезни мужа [18. Л. 73]. Просьбу гражданки удовлетворили. В целом же еще декретом ВЦИК о страховании от 22 декабря 1917 г. пособие по случаю родов выплачивалось в размере полной заработной платы в течение 8 недель до родов и 8 недель после родов. При этом оговаривалось, что в течение установленного времени женщинам работать было запрещено [2, с. 271]. «Кодекс законов о труде», изданный в 1922 году, подтвердил положения декрета 1917 года о социальных гарантиях для беременных женщин и молодых матерей с оговоркой, что женщины, занятые не физическим, а умственным трудом, освобождались от работы в течение 6 недель до и после родов. Кроме того, Кодекс устанавливал запрет на ночную и сверхурочную работу для беременных женщин. Матери, кормящие детей грудью, помимо общих перерывов, получали дополнительные пособия в соответствии с правилами внутреннего распорядка предприятия [6]. Самарские делегатки и работницы, обращаясь в письмо к австрийским работницам, писали, что «при увольнении и приеме на завод руководит Заком, который учитывает всю материальную сторону работницы. Также и во время болезни или беременности от производства получают бюллетень, одновременно не лишаясь своего места на заводе. Поработав 5 месяцев, работницы пользуются отпусками» [19. Л. 15]. По данным отчета Самарской губернской кассы социального страхования [15. Л. 38] за 1926 год, продолжительность отпуска по беременности в Самарской губернии составляла 86 дней.

В 1920-е гг. в Поволжье охрана Матмлада стала особенно актуальной из-за голода. Власть использовала различные практики по увеличению эффективности работы Матмлада. Например, в Самаре проводился «трехдневник» по охране Матмлада под лозунгом «Каждый рабочий и работница, крестьянин и крестьянка должны внести свою помощь тем, чем только смогут» [26. Л. 103]. Чаше всего

компания по проведению «трехдневника» заключалась в сборе материальных средств. В 1927 году с ее помощью в Самаре было собрано 2169 рублей [14. Л. 81], на которые планировалось открыть ясли в г. Бугуруслане, кружок охраны Матмлада в Тимашеве, женскую консультацию в Мелекесе, трудовое общежитие для беременных матерей в Самаре и т. д. В 1921 г. в Самарской губернии действовал 31 дом матери и ребенка, всего – 37 учреждений Матмлада [4, с. 154]. В 1925 г. – уже 92 учреждения Матмлада [4, с. 154]. Работало пять консультаций для детей, 1 женская консультация, 1 юридическая консультация, несколько яслей, большая молочная кухня [4, с. 154].

Осознавая важность здоровья матери, работники охраны Матмлада отмечали, что для кормящей женщины правильное питание является основой для правильного кормления ребенка, подчеркивая, что в таком случае в пищевом пайке женщина должна быть приравнена к рабочему средней категории с добавлением питания для выработки грудными железами молока [24, с. 149]. При этом реальность 1920-х гг., когда население Самарской губернии пережило страшный голод, а жизнь народа фактически представляла собой повседневность выживания, была далека от декларируемых идеалов.

В докладе о состоянии и очередных задачах народного здравоохранения в Самарской губернии на 1928 г. было отмечено, что, несмотря на развитие дела охраны материнства и младенчества, которое выразилось в улучшении домов ребенка и трудовых общежитий, а также организации детских яслей, которые облегчают условия работниц и крестьянок, но абсолютные размеры всех этих учреждений далеко в недостаточной мере удовлетворяют нужды работниц и крестьянок. В Самарской губернии было проведено обследование уголков матери и ребенка, в результате которого было выявлено, что в отделениях «совершенно отсутствуют предметы ухода за ребенком: ванночки, кровати, стульчики и проч. Очень мало игрушек, литературы и необходимых медикаментов» [26. Л. 48]. Наблюдался дефицит яслей и родильных коек в больницах [16. Л. 75]. В отчете Бугурусланского уездного исполнительного комитета Советов было отмечено, что в уезде была организована одна молочная кухня и детские консультации, а также «делались попытки к открытию детсадов, но за отсутствием средств пришлось отказаться от данного мероприятия» [27. Л. 16]. В то же время в родильных учреждениях со стороны техперсонала были распространены практики взяточничества, «и в зависимости от этого существовал лучший и плохой уход за роженицами» [13. Л. 201]. Больницы и амбулатории были перегружены, а дестабилизации семьи приводила к росту нежелательных беременностей, единственным выходом из которых был аборт.

10 ноября 1920 г. вышло Постановление циркуляра Наркомюста о разрешении проведения операций по искусственному прерыванию беременности. Женщине, которая живет половой жизнью, но по каким-либо причинам рожать не собирается, предлагали единственное средство – аборт. В Са-

маре данный циркуляр Наркомюста о производстве операций по искусственному прерыванию беременности [17. Л. 38] был принят к сведению 25 декабря того же года. На делегатском собрании в Самарской губернии в 1925 г. было отмечено, что «война и голод поставили женщину в тяжелое экономическое положение, аборт был декретирован. С усилением экономической мощи страны он сойдет со сцены, так как государство сможет фактически освободить женщину» [12. Л. 20]. Но после разрешения аборт количество данных операций резко возросло. Государство встает на позицию агитации против абортирования. В Самаре были созданы абортные комиссии, которые регистрировали и выдавали разрешение на искусственное прерывание беременности. В докладе о работе абортной комиссии был зафиксирован неуклонный рост числа аборт из года в год. Материалы комиссии в статистике дают возможность выявить количество операций по искусственному и естественному прерыванию беременности в г. Самаре: в 1925 г. аборт было произведено 1881, в 1926 г. — 2441, в 1927 г. — 4216 аборт [16. Л. 75]. Таким образом, к концу 1920-х гг. количество аборт в г. Самаре увеличилось в 2 раза. Причем по отношению к родам аборт носили догоняющий характер. Если аборт в 1927 году было зафиксировано 4126, то родов — 5079 [16. Л. 75]. Домашние хозяйки составляли большинство женщин, которые прерывали беременность, тогда как работницы составляли менее 10%. Возрастной показатель обрабатывавшихся женщин колебался от 20 до 35 лет. В докладе он был обозначен как «цветущий производственный возраст» [16. Л. 76]. Сохранившиеся в архиве медицинские карточки об искусственном прерывании беременности за 1929 г. свидетельствуют о том, что основной причиной прерывания беременности был недостаток средств к жизни [20. Л. 77–85]. Так, например, 23 мая в 1927 году в Самарском губернском суде слушалось уголовное дело по обвинению двадцатилетней замужней, беспартийной и неграмотной батрачки Исаковой Ляйлибедер в преступлении, предусмотренном статьей 136 УК РСФСР, т. е. «Умышленное убийство» [21, с. 96]. Не успев до срока родов дойти до родильного приюта, она родила ребенка в деревне Мардовские Озера и на следующий день в сопровождении 2 женщин направилась в с. Алагуллово. По пути, разойдясь с идущими с ней женщинами, она задушила ребенка, перевязав шею головным платком и засунув конец платка ребенку в рот. Когда ребенок умер, в целях сокрытия следов преступления, поместила его в принадлежащий ей сундук [28. Л. 91]. Убийство рожденного ребенка Исакова произвела в силу тяжелого материального положения, которое не давало возможности воспитать последнего.

В этом смысле советская власть вторгалась в репродуктивную повседневность женщин в том числе через медиализацию. Под давлением медиков, ученых-гигиенистов и публицистов и со стороны государства, и со стороны частных лиц предпринимались все новые и новые попытки контролировать частную сферу граждан. Медицинский

взгляд проникал в бытовые сферы и постепенно менял восприятие людей, обращая их внимание на явления и признаки, прежде не рефлексировавшиеся [9, с. 111]. Поэтому медиализация быта чаще всего была связана с вмешательством медицины в жизнь общества и ее стремлением все социальные проблемы признать «болезнями» [1].

В целом разрешение аборт по желанию женщины объявлялось вынужденной мерой, а не «революционным завоеванием» по раскрепощению женщины [3, с. 258]. Поэтому государство проводило активную агитацию против данных операций, которые приносили стране скорее демографический упадок, нежели рост. Для достижения поставленных целей по сокращению числа проводимых операций по прерыванию беременности власти подключали медицинское сообщество врачей. Так, в Самарской губернии доктор Булыгина на собрании абортной комиссии отмечала, что аборт являются «вредными и опасными для здоровья женщины» [16. Л. 75]. Врачи предлагали различные меры по их сокращению: «увеличить бесплатное снабжение противозачаточными средствами, используя на то средства от платных аборт»; в консультации для женщин установить специальный прием для абортирующих и по вопросам профилактики беременности; выработать медицинские и социальные противопоказания к аборт; проводить разъяснительные беседы среди мужской части населения о вреде аборт и за пропаганду применения презервативов» [16. Л. 75]. В губернии были введены специальные «дни лекций и бесед» о вреде аборт, а также установлена тщательная слежка за теми, кто получил отказ в абортной операции, дабы избежать подпольных операций по прерыванию беременности. Я.Д. Розенберг в статье «Плохо ведется борьба с бабками» утверждал, что бабки продолжают по-старому калечить родильниц: подвешивают к потолку, щекоют зев, чтобы вызвать рвоту, поят водкой и т. д. [10, с. 65]. В медицинской прессе эта ситуация объяснялась «неграмотностью, темнотой, некультурностью... женских масс», и уже при сформировавшемся дискурсе добавлялось, что все это «замедляет рост социализма» [8, с. 19].

Стоит отметить, что практики по проведению подпольных аборт наказывались уголовно, поскольку чаще всего аборт, сделанные «бабками», приводили к летальному исходу. В Народном суде Чапаевского района Самарской губернии было рассмотрено дело по обвинению Головиной Агафьи Фроловны по ст. 140 ч. 2 УК [21, с. 19], т.е. производство аборт вне больниц или родильных домов. В ходе проведения расследования была установлена виновность гражданки Головиной, сорокалетней беспартийной вдовы-крестьянки с 2 детьми, в том, что в сентябре 1928 года в своей квартире в с. Романовка она совершила аборт гражданке того же села Борзенковой Марии Васильевне за 2 мешка пшеницы путем укола в полость матки вязальной иглой, вследствие чего последовало заражение крови и смерть Борзенковой в ноябре месяце в Марьевской больнице, куда та была доставлена для лечения [29. Л. 22]. Суд приговорил Головину к лишению свободы сроком на 3 месяца.

Но несмотря на то, что абортная комиссия проводила санпросветительскую работу о вреде абортов, желаемых результатов она не дала, так как из-за отсутствия средств консультации не имели возможности выдавать предохранительные средства женщинам бесплатно.

Помимо приравнивания социальных отклонений к «болезням» в обществе, медиализация характеризовалась также проникновением в массовое сознание медицинского языка [30]. Тот же самый термин «аборт», обозначенный советской властью «социальной болезнью» и целью борьбы, обретает в просторечии исключительно негативные коннотации: в романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» в 1928 году рождается выражение «ну, ты, жертва аборта» [5, с. 77], активно подхваченное повседневностью. Помимо всего прочего, в Самарской газете «Коммуна» в 1920-е гг. печатались целые истории, которые осуждали женщин, производивших подпольным способом немедицинские аборты, иными словами, «знахарок». В одном выпуске такая информация была опубликована под заголовком «Абортная мастерица», где рассказывалось о суде в отношении гражданки Палховской, «калечившей и уродовавшей доверчивых женщин, которые в силу разных причин были вынуждены прибегать к походам к Палховской» [7, с. 4]. «За производство абортов у Палховской существовала определенная плата от 10 до 20 рублей... свое преступное ремесло Палховская на суде старалась оправдать тяжелым материальным положением, но суду удалось установить вздорность этого утверждения, так как муж Палховской имел очень приличный заработок» [7, с. 4]. В итоге за «производство абортов, которое считается очень тяжелым преступлением, суд приговорил Палховскую к 2 годам лишения свободы» [7, с. 4].

Таким образом, после распространения практик абортов в 1920-е годы, которые были столь неуютны советской власти, в 1936 году искусственное прерывание беременности было вновь запрещено, но никакой другой помощи женщины не получили. Работа абортных комиссий, Матмлада показывают озабоченность советской власти мероприятиями по охране материнства и детства. Новые советские граждане по логике советского проекта должны были иметь самое лучшее детство. В этой связи строилась всеохватная структура, которая окружала ребенка и мать заботой со стороны государства. Тем не менее практики материнства в женской повседневности первых лет советской власти были определены двумя процессами в жизни страны: изменившимися экономическими условиями и идеологической моделью, вписывающей женщину в социальный проект советской власти. Но и к этой ситуации женщина приспосабливается, привыкая жить под защитой партии. Что приводит в послевоенный период к вмешательству партии в частную жизнь людей. Как считает Ш. Фицпатрик, «на практике до войны она (партия. — Прим. авт.) не желала ничего слышать о половой жизни людей... негласно признавая, что у нее есть более серьезные заботы» [22, с. 275]. Период 1920–1930-х гг. в женской повседневности был време-

нем приспособления и выживания в изменившихся условиях жизни, а также периодом формирования опыта существования в новых условиях жизни, что влекло за собой выработку тактик и стратегий жизни в общности коллективных представлений о добре и зле. Женщина вновь, как и в прошлые эпохи, оказалась в ситуации суда над ней и вынесенного приговора. И, как и во все времена, «сладкую ягоду рвали вместе мы, горькую ягоду рву одна». Абстрактная риторика общественной нравственности становилась реальнее, чем сама частная жизнь женщины.

Библиографический список

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М., 2004.
2. Валк С.Н., Загонскина И.В., Растопчина Л.Н., Ахапкин Ю.А., Казанцев Б.Н. Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957.
3. Градскова Ю.В. Конструирование гендерных различий в контексте советского культурного эксперимента 1920-х годов // Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. науч. ст. / гл. ред. И.Р. Чикалова. Вып. 2. Минск, 2002.
4. Захарова Л.Б. Концепция социальной политики советской власти: теория и практика (1920-е гг.). Самара, 2012.
5. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М., 1983.
6. Кодекс законов о труде РСФСР 1922 года // Киселев И.Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование. М., 2001.
7. Коммуна. 1928. 29 января.
8. Краснова Ф. Культурная революция по линии охраны Материнства и младенчества // Вопросы здравоохранения Средне-Волжской области. Самара, 1928. № 3. Декабрь.
9. Пироговская М.М. Ольфакторный код и воспитание чувствительности в русской городской культуре 1860–1910-х годов: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.
10. Розенберг Я.Д. Плохо ведется борьба с бабками // Вопросы здравоохранения Средне-Волжской области. Самара. 1929. № 6 (9). Июнь.
11. Советская власть и раскрепощение женщины. Сборник документов и постановлений РСФСР. М., 1921.
12. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1846.
13. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2182.
14. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2183.
15. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2340.
16. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2696.
17. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 337.
18. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 979.
19. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 57.
20. СОГАСПИ. Ф. 9483. Оп. 4. Д. 62.
21. Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 // Уголовный кодекс РСФСР / под ред. Т.А. Титова. М., 1950.
22. Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и мимикрия в России XX века. М., 2011.
23. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. С. Табачниковой. М., 1996.

24. Ханипова И.И. Материнская повседневность: идеалы и реалии 1920–1940 гг. (на примере Татарстана) // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 октября 2016 г. Смоленск: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва, Н.А. Мицюк. Смоленск; М., 2016.

25. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 244. Оп. 1. Д. 72.

26. ЦГАСО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 1289.

27. ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 1058.

28. ЦГАСО. Ф. Р-357. Оп. 44. Д. 1582.

29. ЦГАСО. Ф. Р-638. Оп. 3. Д. 112.

30. Шухатович В.Р. Медикализация // Социология: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин [и др.]. Минск, 2003.

References

1. Abercrombie N., Hill S., Turner B.S. *Sotsiologicheskii slovar'* [The Penguin Dictionary of Sociology]. M., 2004 [in Russian].

2. Valk S.N., Zagonskina I.V., Rastopchina L.N., Akhapkin Yu.A., Kazantsev B.N. *Dekrety sovetskoj vlasti. T. 1* [Decrees of Soviet power. Vol. 1]. M., 1957 [in Russian].

3. Gradszkova Yu.V. *Konstruirovanie gendernykh razlichii v kontekste sovetskogo kul'turnogo eksperimenta 1920-kh godov* [Construction of gender differences in the context of Soviet cultural experiment of 1920-ies]. In: *Zhenshchiny v istorii: vozmozhnost' byt' uvidennymi: Sb. nauch. st. Gl. red. I.R. Chikalova. Vyp. 2* [Women in history: possibility to be seen: Collection of research articles. Chikalova I.R. (Ed.). Issue 2]. Minsk, 2002 [in Russian].

4. Zakharova L.B. *Kontseptsiiia sotsial'noi politiki sovetskoj vlasti: teoriia i praktika (1920-e gg.)* [Concept of social policy of Soviet power: theory and practice (1920-ies)]. Samara, 2012 [in Russian].

5. Ilf I., Petrov E. *Dvenadsat' stol'ev* [The Twelve Chairs]. M., 1983 [in Russian].

6. *Kodeks zakonov o trude RSFSR 1922 goda* [Code of Laws on Labour of the RSFSR of 1922]. In: Kiselev I.Ya. *Trudovoe pravo Rossii. Istoriko-pravovoe issledovanie* [Labor law of Russia. Historical and legal research]. M., 2001 [in Russian].

7. *Kommuna*. 1928, January 29 [in Russian].

8. Krasnova F. *Kul'turnaia revoliutsiia po linii okhrany Materinstva i mladenchestva* [Cultural revolution in the field of protection of Maternity and Infancy]. *Voprosy zdavookhraneniia Sredne-Volzhskoi oblasti* [Health issues of the Middle Volga Region]. Samara, 1928, no. 3. December [in Russian].

9. Pirogovskaya M.M. *Ol'faktorni kod i vospitanie chuvstvitel'nosti v russkoi gorodskoi kul'ture 1860-1910-kh godov: dis... na soisk. uchen. step. kand. ist. nauk* [The olfactory code and the education of sensitivity in Russian urban culture of the 1860-ies – 1910-ies: Candidate's of Historical sciences thesis]. SPb., 2005 [in Russian].

10. Rozenberg Ya.D. *Plokhoe vedetsia bor'ba s babkami* [Poor is the fight with whisperers]. *Voprosy zdavookhraneniia Sredne-Volzhskoi oblasti* [Health issues of the Middle Volga Region]. Samara, 1929, no. 6(9). June [in Russian].

11. *Sovetskaia vlast' i raskrepostshchenie zhenshchiny. Sbornik dokumentov i postanovlenii RSFSR* [Soviet power and the emancipation of women. Collection of documents and decrees of the RSFSR]. M., 1921 [in Russian].

12. *Samarskii oblastnoi gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (SOGASPI)* [Samara

Regional State Archive of Social and Political History (SOGASPI)] F. 1. Op. 1. D. 1846 [in Russian].

13. *SOGASPI* [Samara Regional State Archive of Social and Political History (SOGASPI)] F. 1. Op. 1. D. 2182 [in Russian].

14. *SOGASPI* [Samara Regional State Archive of Social and Political History (SOGASPI)] F. 1. Op. 1. D. 2183 [in Russian].

15. *SOGASPI* [Samara Regional State Archive of Social and Political History (SOGASPI)] F. 1. Op. 1. D. 2340 [in Russian].

16. *SOGASPI* [Samara Regional State Archive of Social and Political History (SOGASPI)] F. 1. Op. 1. D. 2696 [in Russian].

17. *SOGASPI* [Samara Regional State Archive of Social and Political History (SOGASPI)] F. 1. Op. 1. D. 337 [in Russian].

18. *SOGASPI* [Samara Regional State Archive of Social and Political History (SOGASPI)] F. 1. Op. 1. D. 979 [in Russian].

19. *Samarskii oblastnoi gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (SOGASPI)* [Samara Regional State Archive of Social and Political History (SOGASPI)] F. 714. Op. 1. D. 57 [in Russian].

20. *SOGASPI* [Samara Regional State Archive of Social and Political History (SOGASPI)] F. 9483. Op. 4. D. 62 [in Russian].

21. *Ugolovnyi kodeks RSFSR v redaktsii 1926* [RSFSR Criminal Code last amended in 1926]. In: *Ugolovnyi kodeks RSFSR. Pod red. T.A. Titova* [Criminal Code of the RSFSR. T.A. Titova (Ed.)]. M., 1950 [in Russian].

22. Fitzpatrick Sh. *Sryvaite maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia]. M., 2011 [in Russian].

23. Foucault M. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let. Per. s frants. S. Tabachnikovoi* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years. Transl. from French by S. Tabachnikova]. M., 1996, p. 192 [in Russian].

24. Khanipova I.I. *Materinskaia povsednevnost': idealy i realii 1920–1940 gg. (na primere Tatarstana)* [Maternal everyday life: ideals and realities of 1920-1940. (on the example of Tatarstan)]. In: *Materinstvo i otsovstvo skvoz' prizmu vremeni i kul'tur: Materialy Deviatoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZhI i IEA RAN, 13-16 oktiabria 2016 g. Smolensk: v 2 t. T. 2 / отв. red. N.L. Pushkareva, N.A. Mitsiuk* [Maternity and paternity through the prism of time and cultures: Proceedings of the Ninth international research conference of RAEJI and the IEA RAS, October 13–16, 2016, Smolensk: in 2 Volumes. Vol. 2. N.L. Pushkarev, N.A. Mitsiuk (Ed.)]. Smolensk – M., 2016 [in Russian].

25. *Tsentr'al'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti (TsGASO)* [Central State Archive of the Samara Region] F. 244. Op. 1. D. 72 [in Russian].

26. *TsGASO* [Central State Archive of the Samara Region] F. R-17. Op. 1. D. 1289 [in Russian].

27. *TsGASO* [Central State Archive of the Samara Region] F. R-81. Op. 1. D. 1058 [in Russian].

28. *TsGASO* [Central State Archive of the Samara Region] F. R-357. Op. 44. D. 1582 [in Russian].

29. *TsGASO* [Central State Archive of the Samara Region] F. R-638. Op. 3. D. 112 [in Russian].

30. Shukhatovitch V.R. *Medikalizatsiia* [Medicalization]. In: *Sotsiologiia: entsiklopediia. Sost. A.A. Gritsanov, V.L. Abushenko, G.M. Evel'kin i dr.* [Sociology: encyclopedia. Compilers: A.A. Gritsanov, V.I. Abushenko, G.M. Evelkin et al.]. Minsk, 2003 [in Russian].

*Z.M. Kobozeva, U.O. Skachkova****«VICTIM OF ABORTION»: ATTITUDE TOWARDS CHILDBIRTH AND ABORTION DURING THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER**

The article analyses the issue of abortion during the new Soviet ethics. The childbirth and abortion are the two phenomena through which the women's daily life is shown during the challenging post-revolutionary period. The evolution of the authorities' attitude towards woman's private world is revealed. The deformation of gender roles during the epoch of social and political transformations by new ideology, economical realities, changes of social space of everyday life is demonstrated. The emancipation of a woman appeared to be a field of tactics and strategies of day-by-day living which demanded from woman skills of adaptation to the new life roles in actively developed socialistic project.

Key words: abortions, childbirth, history of medicine, history of daily routine, family, private life, Soviet woman, socialistic project.

Статья поступила в редакцию 11/X/2017.
The article received 11/X/2017.

* *Kobozeva Zoya Mikhailovna* (zoya_kobozeva@mail.ru), *Skachkova Ulyana Olegovna* (heyysugardaddy@gmail.com), Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.